

ХОДЯТ СТАРЫЕ КОНИ
И НЕ ПОРТЯТ БОРОЗДЫ

ФОТО ИГОРЯ ЗАХАРКИНА

АМУР ПОПРЫГАЛ
И УБЕЖАЛ

Зарубежные звезды на сцене Большого театра

Александр ФИРЕР

Участие мировых звезд балета в спектаклях Большого — новая тактика руководства театра. При этом преследуются несколько целей: подтянуть труппу, привлечь внимание к собственным постановкам и показать международную звезду в контексте наших премьеров. Первым выступил кубинец Хосе Мануэль Карреньо из Американского театра балета — в «Дон Кихоте». Невысокий, обаятельный махо в туфлях с кожаным блеском на литых ногах с упругими икрами предстал в образе цирюльника Базиля. К сожалению, естественность его поведения на сцене была лишена того взрывного темперамента и энергетик, которых требует московский «Дон Кихот». В памяти — танец Владимира Васильева, огненного запада которого могло бы хватить на десятерых кубинцев.

Карреньо как актер — малоинтересен. Он относится к когорте виртуозов, главное преимущество которых — трюк и эффектная техника. И смотреть их интересно бывает в концертных номерах и па де де. Именно поэтому все с таким нетерпением ждали третьего акта балета с его знаменитым гран па. Но и здесь Карреньо был скромнен. Танцевал аккуратно, точно, без излишеств. Не злоупотреблял наворачиванием пируэтов, которые, как известно, его конек. Сцена же Большого театра коварна: она не только требует яркого персонализме и масштабности от исполнителя, но и укрупняет недостатки, как сквозь лупу. И скромный Карреньо был просто съеден этим монстром.

Корректный и внимательный партнер, он, тем не менее, не избегал досадной небрежности — слишком поздно подошел к своей партнерше Марии Александровой (Китри), из-за чего она упала с палев в большом туре. Дело не только в том, что для Карреньо партнерша крупновата и поднять ее — тяжелое испытание. Главное — не было актерского контакта. В этом стихийном и веселом балете Александрова казалась надменно отчужденной от всех.

Кажется, критика перехвалила балерину: кроме феноменального прыжка, гордиться ей сегодня нечем. Особенно бросаются в глаза изъяны, когда она надевает классическую пачку, не говоря уже о невыразительных руках, хромящей пальцевой технике, некрасивых итальянских фуэте. Справедливости ради, скажем, что второй спектакль Мария танцевала на йоту чище и на градус эмоциональней.

Саму труппу словно подменили: по-купечески подбочившись, она была абсолютно безучастна. Лишь один артист миманса, стоя на балконе, с полной отдачей дергал обезьяну за веревку. Кордебалет танцевал замешало плохо, как это делают в Кремлевском балете. Нина Капцова (Амур) попрыгала-попрыгала и убежала, как ученица пятого класса. Когда смотришь Клер-Мари Оста в этой партии в Парижской Опере — впечатление другое. Ее Амур не менее значим, чем Китри или Повелительница дриад. И лишь Анастасия Яценко в партии Уличной танцовщицы радостно отдавалась стихии танца, ярко выделяясь на общем сером фоне.

Вторым гастролером предстал датчанин Йохан Кобборт (Королевский балет Великобритании), исполнивший партию Джеймса в «Сильфиде» (на снимке). Его безупречная бурнонвилевская техника в сочетании с выдающимся актерским даром перевернули все представления об этой романтической сказке. Когда Кобборт на сцене — не видишь больше никого. За ним наблюдаешь, боясь пропустить каждое движение, и не знаешь, что будет в каждое последующее мгновение. Кажется, что и он не знает. Но это только кажется. Партия выделана идеально! Он галантно давал Сильфиде (ее достойно исполнила Мария Анна Рьжикина) парить в воздухе, и сам лишь следовал за ней, не стремясь перепрыгнуть. Труппа очень старалась и была подтянута. Казалось, Большой театр в этот вечер избавился от своих пагубных привычек наигрывать и небрежничать. И это напомнило былые времена актерских потрясений. ■